

А. В. Блещик, В. В. Руденко

Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева
(Екатеринбург)

ПРАВОВОЙ МОНИТОРИНГ В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ОСОБЕННОСТИ РЕГЛАМЕНТАЦИИ

С использованием сравнительно-правового метода исследования авторы выявляют общие и особенные черты в регламентации правового мониторинга на федеральном и региональном уровне, а также сопоставляют варианты регламентации правового мониторинга на региональном уровне между собой. Регулирование в сфере организации и осуществления правового мониторинга на уровне субъектов Российской Федерации оценивалось по следующим критериям: терминологическому аппарату, объекту правового мониторинга, субъекту правового мониторинга, методологическому и информационному обеспечению правового мониторинга. В зависимости от субъектного состава правового мониторинга (органов и организаций, проводящих мониторинговые исследования и готовящих сводный отчет по их результатам), а также функционала соответствующих органов и организаций авторы выявили несколько основных моделей проведения правового мониторинга в субъектах Российской Федерации.

Сделан вывод о том, что накопленный регионами опыт регулирования правового мониторинга и связанных с ним вопросов нормотворчества в отдельных случаях опережает опыт федерального регулирования. Определены направления дальнейшего совершенствования регионального законодательства по вопросам правового мониторинга.

Ключевые слова: правовой мониторинг, мониторинг правоприменения, мониторинг законодательства, субъекты правового мониторинга, методика правового мониторинга, объекты правового мониторинга

Для цитирования

Блещик А. В., Руденко В. В. Правовой мониторинг в субъектах Российской Федерации: особенности регламентации // Российское право: образование, практика, наука. 2024. № 2. С. 4–12. DOI: 10.34076/2410-2709-2024-140-2-4-12.

УДК 340

DOI: 10.34076/2410-2709-2024-140-2-4-12

Законодательство субъектов Российской Федерации в сфере нормотворчества и правового мониторинга по некоторым направлениям опережает в развитии федеральное законодательство в этой сфере. Достаточно сказать, что в большинстве российских регионов на протяжении десятилетий действуют законы о правовых актах субъектов Российской Федерации¹, тогда как федеральный закон о право-

вых актах в Российской Федерации (проекты которого многократно представлялись на суд научного сообщества и вносились в порядке законодательной инициативы в Государственную Думу) так и не был принят [Бошно 2015].

Аналогичным образом вопросы правового мониторинга первоначально попали в поле

¹ См., например: закон Брянской области от 3 ноября 1997 г. № 28-3 «О законах Брянской области и иных нормативных правовых актах Брянской области»; областной закон от 10 марта 1999 г. № 4-ОЗ «О правовых актах в Свердловской области»; закон Самарской области от

7 июля 2000 г. № 28-ГД «О нормативных правовых актах Самарской области»; закон Республики Саха (Якутия) от 25 декабря 2003 г. 98-3 № 199-III «О правовых актах органов государственной власти Республики Саха (Якутия)»; закон Ямало-Ненецкого автономного округа от 6 апреля 2006 г. № 13-ЗАО «О правотворчестве».

зрения регионального законодателя, в связи с чем в отдельных субъектах Российской Федерации были приняты специализированные акты по вопросам правового мониторинга еще до появления актов федерального уровня по вопросам мониторинга правоприменения в 2011 г.¹ Деятельность региональных органов власти в этой сфере, зачастую стихийная и неорганизованная, вызывала интерес и беспокойство у ученых. В частности, в 2007 г. Д. Б. Горохов, Е. И. Спектор и М. Е. Глазкова отмечали, что «деятельность субъектов Федерации по организации и проведению правового мониторинга остро нуждается в централизованной координации» [Горохов, Спектор, Глазкова 2007].

Установление современного централизованного регулирования в рассматриваемой области связано с принятием Указа Президента Российской Федерации от 20 мая 2011 г. № 657 «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации». Положение о мониторинге правоприменения в Российской Федерации, утвержденное упомянутым Указом, определило ряд базовых параметров мониторинга, в том числе его цель и объекты, ввело легальное определение понятия «мониторинг правоприменения», установило компетенцию государственных органов в указанной сфере и основные элементы мониторинговой процедуры. Затем было принято постановление Правительства Российской Федерации от 19 августа 2011 г. № 694 «Об утверждении методики осуществления мониторинга правоприменения в Российской Федерации», задачей которого стало методическое обеспечение правового мониторинга, в том числе для регионального правоприменителя.

Несмотря на принятие обозначенных федеральных актов, степень самостоятельности субъектов Российской Федерации в регламентации правового мониторинга на региональном уровне по-прежнему довольно высока. Именно это обуславливает наблюдаемое се-

годня многообразие подходов к организации и осуществлению мониторинга в регионах.

Цель настоящей статьи – выявить особенности правового регулирования правового мониторинга на региональном уровне, для чего ставятся следующие задачи: 1) выявить общее и особенное в регламентации правового мониторинга в субъектах Российской Федерации, 2) сравнить региональное и федеральное регулирование вопросов правового мониторинга, 3) определить пути дальнейшего совершенствования законодательства субъектов Российской Федерации по вопросам правового мониторинга.

Региональную специфику правового мониторинга задают в первую очередь содержание понятия правового мониторинга и тесно связанный с ним вопрос об объекте правового мониторинга. Отсутствует единый подход к определению понятия правового мониторинга в доктрине и отсутствует системное регулирование правового мониторинга на федеральном уровне. Обоснованность использования термина «правовой мониторинг» как позволяющего охватить все виды мониторинга на всех стадиях правового регулирования показал еще на начальном этапе формирования концепции правового мониторинга в Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации Ю. А. Тихомиров. Он характеризовал правовой мониторинг как «институт информационно-оценочного характера, движущийся по всем стадиям функционирования управления, хозяйствования и т. п., проявляющийся на всех этапах возникновения и действия права» [Тихомиров 2006: 13].

В большинстве субъектов Российской Федерации воспринят подход федерального законодателя и используется термин «мониторинг правоприменения», а как его объект рассматривается соответственно практика применения правовых актов (например, в Республике Алтай, Республике Бурятия, Краснодарском крае, Калининградской области и др.). Еще одним распространенным (например, в Свердловской и Липецкой областях) подходом является выделение двух видов мониторинговой деятельности – мониторинга законодательства (или мониторинга нормотворческой деятельности) и мониторинга правоприменения. Если первый вид предполагает оценку состояния законодательства, то второй – оценку инфор-

¹ См., например: закон Республики Татарстан от 3 июля 2010 г. № 49-ЗРТ «О мониторинге законов Республики Татарстан»; закон Ямало-Ненецкого автономного округа от 8 июня 2009 г. № 37-ЗАО «О мониторинге правового пространства в Ямало-Ненецком автономном округе»; указ губернатора Архангельской области от 16 ноября 2010 г. № 197-у «Об утверждении Регламента организации и проведения мониторинга нормативных правовых актов Архангельской области».

мации о практике применения нормативных правовых актов. При этом экспертиза нормативных правовых актов регулируется отдельно и не рассматривается как вид мониторинга законодательства.

Здесь стоит сказать о том, что термин «экспертиза нормативных правовых актов» в системе понятий в сфере нормотворчества обладает множеством значений. Традиционным следует считать определение экспертизы как исследования, направленного на определение соответствия изучаемых правовых актов правовым актам более высокой юридической силы и требованиям юридической техники¹. Также под экспертизой нормативных правовых актов можно понимать набор процедур, проводимых в рамках оценки регулирующего воздействия этих актов². Наконец, экспертизу можно характеризовать и с позиции мониторинговой деятельности, на чем, в частности, настаивает Ю. Г. Арзамасов. Он пишет: «Любая экспертная оценка проекта нормативного правового акта предполагает предварительный мониторинговый анализ и оценку его связей и зависимостей с другими, уже действующими, правовыми механизмами» [Нормография 2020: 24].

Термин «правовой мониторинг» употребляется лишь в нескольких субъектах Российской Федерации. Согласно законодательству Московской области³ правовой мониторинг представляет собой деятельность по осуществлению мониторинга нормативных правовых актов Московской области и мониторинга их правоприменения. Примечательно, что в качестве цели мониторинга в данном законе названо повышение качества законодательства и эффективности правотворческой деятельности. Это позволяет говорить о том, что законодатель воспринял концепцию эффективности права, в контексте которой велись научно-исследовательские разработки по вопросам правового мониторинга в Российском

государстве [Эффективность законодательства 2015].

Своя терминология используется в Ямало-Ненецком автономном округе (далее – ЯНАО), где применяется понятие «мониторинг правового пространства»⁴. Под ним понимается деятельность по обобщению и систематизации информации, необходимой для оценки, анализа, прогноза состояния и динамики нормативных правовых актов автономного округа и практики их применения с целью выявления их соответствия планируемому результату правового регулирования, а также ожиданиям участников правотворческой деятельности, должностных лиц органов государственной власти автономного округа, институтов гражданского общества, граждан. Предметом мониторингового исследования здесь становятся ожидания участников нормотворческого процесса, в том числе потенциальных правоприменителей и в целом адресатов правовых норм. Совершенно очевидно, что для эффективного решения подобных задач специалист, осуществляющий правовой мониторинг, должен быть обеспечен не только (и не столько) юридическим исследовательским инструментарием, но и инструментарием других социально-гуманитарных наук, в том числе экономики, социологии и социальной психологии. Это, разумеется, технически усложняет мониторинг или делает вышеприведенные положения закона заведомо декларативными.

Раскрывая суть понятия «мониторинг правового пространства», рассматриваемый Закон ЯНАО вводит еще ряд новых и довольно необычных категорий. Речь, в частности, идет о мониторинге в сфере правового регулирования общественных отношений, мониторинге правового поля, мониторинге правоприменительной практики и мониторинге реализации права законодательной инициативы в Законодательном Собрании автономного округа. Хотя подобное усложнение терминологии (и введение в законодательство терминов с неустоявшимся значением) вряд ли можно оценивать положительно, стоит признать, что предмет мониторинга при таком подходе предельно широк, и это направлено на системную оценку правового воздействия на общественные отношения в целом. Одобрения

¹ См., например: закон города Москвы от 8 июля 2009 г. № 25 «О правовых актах города Москвы».

² Такое понимание заложено, например, в законе Свердловской области от 14 июля 2014 г. № 74-ОЗ «Об оценке регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов, экспертизе нормативных правовых актов, установлении и оценке применения обязательных требований в Свердловской области».

³ Закон Московской области от 4 мая 2012 г. № 46/2012-ОЗ «О правовом мониторинге в Московской области».

⁴ Закон Ямало-Ненецкого автономного округа «О мониторинге правового пространства в Ямало-Ненецком автономном округе».

заслуживает то, что региональный законодатель воспринял доктринальные разработки в части правовой сущности правового мониторинга как технологии повышения эффективности права, а также как способа систематизации законодательства.

С нашей точки зрения, наиболее убедительным следует считать подход, предполагающий включение в объем понятия «правовой мониторинг» деятельности по сбору, обобщению, анализу и оценке информации о состоянии права в целом: о действующих нормативных правовых актах (мониторинг законодательства) и о практике их реализации в общественных отношениях (мониторинг правоприменения или мониторинг в сфере правового регулирования общественных отношений).

В зависимости от субъектного состава лиц, участвующих в организации и проведении правового мониторинга, могут быть выделены следующие модели:

1) модель организации правового мониторинга, центральным элементом которой является аппарат (также возможно использование термина «администрация») главы или правительства субъекта Российской Федерации;

2) модель, в которой организационные и аналитические функции возложены на региональный орган юстиции;

3) модель, при которой основную организационную и аналитическую работу в сфере мониторинга выполняет специализированное учреждение, уполномоченное в рассматриваемой сфере;

4) модель, при которой ключевым субъектом правового мониторинга на региональном уровне выступает экспертно-аналитический орган при законодательном органе субъекта Российской Федерации.

Общим для всех реализуемых в субъектах Российской Федерации моделей правового мониторинга является то, что основная работа по юридической оценке правовых актов и практике их применения возлагается в зависимости от видов правовых актов на законодательный орган субъекта (его аппарат) и отраслевые исполнительные органы, которые выступают наиболее активными разработчиками подзаконных актов в системе исполнительной власти субъекта Российской Федерации. Надо при этом отметить, что вы-

явленное разнообразие подходов все-таки относится главным образом к организационному взаимодействию внутри органов исполнительной власти в субъекте Российской Федерации. Региональный законодательный орган в силу своего конституционно-правового статуса, как правило, занимает автономное положение в системе организации правового мониторинга.

Описываемые нами модели различаются в основном тем, как регулируется и организуется правовой мониторинг, а также тем, как обобщаются его результаты. В условно обозначенной нами первой модели аппарат главы или правительства субъекта Российской Федерации (как орган, осуществляющий правовое обеспечение региональных главы или правительства) принимает решение о проведении правового мониторинга в системе

Наиболее убедительным следует считать подход, предполагающий включение в объем понятия «правовой мониторинг» деятельности по сбору, обобщению, анализу и оценке информации о состоянии права в целом: о действующих нормативных правовых актах и о практике их реализации в общественных отношениях

региональной исполнительной власти. Также указанный орган аккумулирует получаемую от отраслевых исполнительных органов информацию и обрабатывает ее, составляя сводный отчет по результатам мониторинга, который впоследствии учитывается при планировании работы высшего исполнительного органа субъекта Российской Федерации.

Такая модель реализуется, например, в Псковской области. Согласно Положению о мониторинге правоприменения в Псковской области, утвержденному постановлением Правительства Псковской области от 19 сентября 2022 г. № 171, мониторинг проводит в соответствии с планом мониторинга Правовое управление Правительства Псковской области. Областные исполнительные органы направляют доклады о результатах мониторинга правоприменения в Правовое управление, оно в свою очередь готовит сводный доклад.

Необходимо обратить внимание на некоторые организационные различия в рамках

анализируемой модели: они возникают в зависимости от особенностей организации взаимодействия в системе исполнительной власти.

Если в субъекте Российской Федерации предусмотрена должность руководителя высшего исполнительного органа государственной власти (председателя правительства) и высшее должностное лицо формально не возглавляет высший исполнительный орган, могут параллельно существовать два аппарата (высшего должностного лица и высшего исполнительного органа), функции которых в сфере мониторинга распределяются в соответствии с законодательством. Такая ситуация, в частности, сложилась в Красноярском крае, где обобщение результатов и информационно-консультационное обеспечение мониторинга возлагается на уполномоченное структурное подразделение Администрации губернатора.

Еще одна вариация в рамках первой модели выделяется в зависимости от правового статуса аппарата главы или правительства субъекта Российской Федерации. В большинстве субъектов Российской Федерации этот орган имеет статус регионального государственного органа и формально не входит в систему исполнительной власти. В ряде субъектов, как, например, в Калужской области, этот орган обладает статусом исполнительного органа государственной власти (Положение об Администрации губернатора Калужской области: утв. постановлением губернатора Калужской области от 12 апреля 2004 г. № 264).

В данном случае рассматриваемая нами модель сближается со второй моделью, особенность которой состоит в том, что организация правового мониторинга и обобщение его результатов возлагаются на специальный исполнительный орган – региональный орган юстиции. Такие органы созданы в ряде субъектов Российской Федерации, к их компетенции, как правило, относятся правовое обеспечение деятельности главы и правительства субъекта Российской Федерации, в том числе правовая экспертиза правовых актов отдельных видов. Существует такой государственный орган, например, в Новосибирской области. Согласно постановлению Правительства Новосибирской области от 20 июня 2016 г.

№ 215-п «О министерстве юстиции Новосибирской области» Министерство осуществляет мониторинг правоприменения при участии исполнительных органов государственной власти Новосибирской области, а также координацию их деятельности в этой сфере, в том числе в части подготовки проекта плана и сведения обобщенной информации.

В ряду моделей организации правового мониторинга особняком стоит модель, предусматривающая возложение отдельных функций по организации и проведению мониторинга, а также обработке его результатов на специализированное учреждение. Такая модель реализована в Свердловской области, где законом предусматривается создание специализированного государственного учреждения в сфере правового мониторинга. Им является Уральский институт регионального законодательства (далее – УИРЗ). УИРЗ проводит исследования в сфере развития законодательства Российской Федерации и законодательства Свердловской области, а также готовит рекомендации по совершенствованию и систематизации последнего.

В рассматриваемой модели, предполагающей возложение функций в сфере правового мониторинга на учреждение, которое находится вне системы органов государственной власти и не является правоприменителем, как будто искусственно создается дистанция между адресатом юридической нормы и экспертом, оценивающим ее качество (хотя, строго говоря, большую часть мониторинговых исследований даже в рамках этой модели проводят именно исполнительные органы, а не специализированное учреждение). Эта дистанция призвана обеспечить непредвзятость и независимость мониторингового исследования. Такой мониторинг в терминах, предлагаемых Ю. Г. Арзамасовым, может называться невключенным, поскольку в нем принимают участие сторонние эксперты, в отличие от включенного мониторинга, при котором «субъект сам непосредственно работает в группах и комиссиях по разработке проектов нормативных актов» [Арзамасов, Наконечный 2009].

Как отмечает Ю. А. Тихомиров, результаты мониторинга должны заключаться не только в корректировке или принятии акта,

но и в рекомендациях о том, как нужно организовать действия органов управления, создать материальные предпосылки, сформировать отношения граждан [Цит. по: Чеснокова 2010: 92]. Представляется, что модели, предполагающие организацию невключенного правового мониторинга, в большей степени способны раскрыть потенциал мониторингового исследования, поскольку допускают возможность внешнего воздействия на государственные органы с экспертной позиции.

Четвертая модель не получила распространения на региональном уровне именно в силу реализации в ней включенного правового мониторинга. Такая модель используется в Курганской области, где при областном законодательном органе (областной Думе) создан Центр мониторинга законодательства и правоприменительной практики¹. В его состав входят депутаты областной Думы, должностные лица аппарата Думы, Правительства и иных исполнительных органов области, представитель территориального органа Минюста России по Курганской области, а также представители научного сообщества. Очевидно, что подобная модель возникла по аналогии с федеральной моделью, в которой ключевую роль в разработке мониторинговой политики играл Центр мониторинга законодательства и правоприменительной практики Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации [Желдыбина 2020: 4]. Однако подобная форма организации мониторинга не зарекомендовала себя как эффективная, и Центр прекратил деятельность на федеральном уровне.

Еще на этапе становления правового мониторинга в субъектах Российской Федерации исследователи отмечали, что полномочия субъектов правового мониторинга четко не разграничены и не определены формы взаимодействия их между собой [Механизм правового мониторинга 2012: 44–45]. Данные проблемы остаются неразрешенными по сей день.

Пожалуй, одним из наиболее проблемных вопросов в региональном регулировании правового мониторинга является его методико-информационное обеспечение. Ни

¹ Постановление Курганской областной Думы от 27 декабря 2011 г. № 588 «О мониторинге правоприменения в Курганской областной Думе».

в одном субъекте Российской Федерации правовое регулирование данного вопроса не отвечает критериям полноты и достаточности, особенно в части информационного обеспечения. Если мониторинг правоприменения осуществляется согласно утвержденной на федеральном уровне методике, то единое регулирование методико-информационного обеспечения мониторинга законодательства отсутствует. Лишь в отдельных субъектах Российской Федерации (например, в Свердловской области) предпринята попытка сформулировать показатели мониторинга законодательства. В большинстве регионов, где проводится мониторинг законодательства, закреплены требования к докладу о состоянии законодательства (иному документу по результатам мониторинга), которые в определенной мере дают представление о том, каким должно быть содержание такого документа (например, в Московской и Липецкой областях, ЯНАО). Вместе с тем вопрос о методологии непосредственно влияет на качество результатов правового мониторинга, а значит, и на эффективность правового регулирования в целом.

Анализируя современные технологии в правотворчестве, М. В. Залоило отмечает, что «важнейшим элементом правового мониторинга является его информационное обеспечение» [Залоило 2020: 134]. Информационное обеспечение правового мониторинга в региональных актах либо не регулируется вообще, либо исчерпывается несколькими положениями: 1) о требованиях к информации, на основе которой осуществляется мониторинг (например, в Свердловской области), 2) об информационно-техническом оснащении правового мониторинга. Последний вопрос решается главным образом путем создания автоматизированных информационных систем, на базе которых обобщается весь свод полученной в ходе правового мониторинга информации, причем это крайне затруднительно, поскольку требует значительных материальных и кадровых ресурсов. Как следствие, немногие регионы в принципе предпринимают попытки его решить. В Свердловской области на базе УИРЗ создана система «Регион-Закон», отражающая результаты мониторинга полномочий органов государственной власти Свердловской

области¹. В ЯНАО имеются внутренние системы, составленные по принципу «досье закона».

В субъектах Российской Федерации накоплен достаточно большой опыт в области организации и проведения мониторинга, особенно мониторинга законодательства. Прежде всего это касается тех субъектов, в которых уже сложилась устойчивая нормативная база по вопросам нормотворчества, в частности подготовки и оформления нормативных правовых актов. Так как единообразного системного федерального законодательства

¹ Под мониторингом полномочий здесь понимается деятельность по сбору, обобщению, анализу и оценке информации о полномочиях государственных органов субъектов Российской Федерации, предусмотренных в нормативных правовых актах Российской Федерации. Для этой цели в структуре ИПС «Регион-Закон» сформированы информационные базы, в частности «Перечень полномочий государственных органов субъектов Российской Федерации, предусмотренных в федеральных законодательных актах» и «Полномочия государственных органов Свердловской области». Эти элементы информационной системы позволяют хранить и актуализировать правовую информацию, обеспечивать поиск необходимых данных по различным критериям, а также предоставлять сведения для анализа федерального и регионального законодательства (Информационно-правовая система «Регион-Закон». Уральский институт регионального законодательства // URL: <https://www.uirz.ru/?x=region> (дата обращения: 08.06.2024).

в сфере правового мониторинга нет, регионы находят собственные решения. Многие из них, как показал проведенный в настоящей статье анализ, могут быть оценены весьма положительно: понимание правового мониторинга в контексте концепции эффективности права, классификация правового мониторинга по объекту, выделение специализированных структур по осуществлению правового мониторинга, разработка собственных методик правового мониторинга.

Выделим возможные направления совершенствования регулирования правового мониторинга в субъектах Российской Федерации: 1) устранение фрагментарности регулирования правового мониторинга, 2) проработку терминологического аппарата, 3) законодательное разграничение полномочий субъектов правового мониторинга, обладающих публично-властными функциями, определение прав субъектов правового мониторинга, участвующих в его проведении по собственной инициативе, а также выработку форм взаимодействия всех субъектов правового мониторинга между собой, 4) разработку методик правового мониторинга, 5) разработку автоматизированных информационных систем для обобщения и обработки информации, полученной в ходе правового мониторинга.

Список литературы

- Арзамасов Ю. Г., Наконечный Я. Е. Мониторинг в правотворчестве: теория и методология. М.: Изд-во МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2009. 196 с.
- Бошно С. В. Проект закона о нормативных правовых актах: столкновение правотворчества, теории и практики // Государство и право. 2015. № 11. С. 14–23.
- Горохов Д. Б., Спектор Е. И., Глазкова М. Е. Правовой мониторинг: концепция и организация // Журнал российского права. 2007. № 5. С. 25–38.
- Желдыбина Т. А. Правовой мониторинг: сравнительный анализ российского и зарубежного опыта // Российская юстиция. 2020. № 1. С. 2–5.
- Залоило М. В. Современные юридические технологии в правотворчестве: науч.-практ. пособие. М.: Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве Рос. Федерации; Норма; Инфра-М, 2020. 184 с.
- Механизм правового мониторинга: науч.-практ. пособие / отв. ред. А. В. Павлушкин. М.: Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве Рос. Федерации, 2012. 160 с.
- Нормография: теория и технология нормотворчества: учеб. для вузов / под ред. Ю. Г. Арзамасова. М.: Юрайт, 2020. 542 с.
- Тихомиров Ю. А. Организация и проведение правового мониторинга // Право и экономика. 2006. № 10. С. 11–15.
- Чеснокова М. Д. Мониторинг законодательства и правоприменительной практики: опыт субъектов Российской Федерации // Журнал российского права. 2010. № 8. С. 89–95.

Эффективность законодательства: вопросы теории и практика: моногр. / отв. ред. Ю. А. Тихомиров, В. П. Емельянцева. М.: Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве Рос. Федерации; Инфра-М, 2015. 336 с.

Александр Владимирович Блещик – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: bleszczuk@yandex.ru.

ORCID: 0000-0001-9166-4432

Валентина Викторовна Руденко – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: emikh.valentina@gmail.com.

ORCID: 0000-0002-6641-691X

Legal Monitoring in the Subjects of the Russian Federation: Features of Regulation

Using a comparative legal research method, the authors identify common and special features of the regulation of legal monitoring at both federal and regional levels, and compare options for regulating legal monitoring at the regional level with each other. Regulation in the field of organizing and implementing legal monitoring in constituent entities of the Russian Federation was assessed according to the following criteria: terminology, object of legal monitoring, subject of legal monitoring, methodological and information support of legal monitoring. The research of the subject composition of legal monitoring (bodies and organizations carrying out monitoring studies and preparing a summary report on their results), as well as the functionality of the relevant bodies and organizations allowed the authors to identify several main models for conducting legal monitoring in the constituent entities of the Russian Federation.

The authors conclude that the significant experience accumulated by the regions in legal regulation of legal monitoring and related issues of rule-making in some cases is ahead of the experience of federal regulation. The article determines the directions for further improvement of regional legislation on legal monitoring issues.

Keywords: legal monitoring, monitoring of law enforcement, monitoring of legislation, subjects of legal monitoring, methods of legal monitoring, objects of legal monitoring

Recommended citation

Bleshchik A. V., Rudenko V. V. Pravovoi monitoring v sub"ektakh Rossiiskoi Federatsii: osobennosti reglamentatsii [Legal Monitoring in the Subjects of the Russian Federation: Features of Regulation], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2024, no. 2, pp. 4–12, DOI: 10.34076/2410-2709-2024-140-2-4-12.

References

Arzamasov Yu. G. (ed.) *Normografiya: teoriya i tekhnologiya normotvorchestva* [Normography: Theory and Technology of Rule-Making], Moscow, Yurait, 2020, 542 p.

Arzamasov Yu. G., Nakonechnyi Ya. E. *Monitoring v pravotvorchestve: teoriya i metodologiya* [Monitoring in Lawmaking: Theory and Methodology], Moscow, Izd-vo MGTU im. N. Eh. Baumana, 2009, 196 p.

Boshno S. V. Proekt zakona o normativnykh pravovykh aktakh: stolknovenie pravotvorchestva, teorii i praktiki [Draft Law on Normative Legal Acts: The Collision of Lawmaking, Theory and Practice], *Gosudarstvo i pravo*, 2015, no. 11, pp. 14–23.

Chesnokova M. D. Monitoring zakonodatel'stva i pravoprimeritel'noi praktiki: opyt sub"ektov Rossiiskoi Federatsii [Monitoring Legislation and Law Enforcement Practice: Experience of the Constituent Entities of the Russian Federation], *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2010, no. 8, pp. 89–95.

Gorokhov D. B., Spektor E. I., Glazkova M. E. Pravovoi monitoring: kontseptsiya i organizatsiya [Legal Monitoring: Concept and Organization], *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2007, no. 5, pp. 25–38.

Pavlushkin A. V. (ed.) *Mekhanizm pravovogo monitoring* [Legal Monitoring Mechanism], Moscow, In-t zakonodatel'stva i sravnit. pravovedeniya pri Pravitel'stve Ros. Federatsii, 2012, 160 p.

Tikhomirov Yu. A. Organizatsiya i provedenie pravovogo monitoringa [Organization and Conduct of Legal Monitoring], *Pravo i ehkonomika*, 2006, no. 10, pp. 11–15.

Tikhomirov Yu. A., Emel'yantsev V. P. (eds.) *Ehffektivnost' zakonodatel'stva: voprosy teorii i praktika* [Efficiency of Legislation: Issues of Theory and Practice], Moscow, In-t zakonodatel'stva i sravnit. pravovedeniya pri Pravitel'stve Ros. Federatsii, Infra-M, 2015, 336 p.

Zaloilo M. V. *Sovremennye yuridicheskie tekhnologii v pravotvorchestve* [Modern Legal Technologies in Law-Making], Moscow, In-t zakonodatel'stva i sravnit. pravovedeniya pri Pravitel'stve Ros. Federatsii, Norma, Infra-M, 2020, 184 p.

Zheldybina T. A. Pravovoi monitoring: sravnitel'nyi analiz rossiiskogo i zarubezhnogo opyta [Legal Monitoring: Comparative Analysis of Russian and Foreign Experience], *Rossiiskaya yustitsiya*, 2020, no. 1, pp. 2–5.

Aleksandr Bleshchik – candidate of juridical sciences, associate professor of the Department of constitutional law, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: bleszczyk@yandex.ru.

ORCID: 0000-0001-9166-4432

Valentina Rudenko – candidate of juridical sciences, associate professor of the Department of constitutional law, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: emikh.valentina@gmail.com.

ORCID: 0000-0002-6641-691X

Дата поступления в редакцию / Received: 15.11.2023

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 10.06.2024